
РЕЙВЕНХЁРСТ
ПРОКЛЯТИЕ ЧЁРНОЙ ХУДОЖНИЦЫ
NADYA LUNNAYA
18+

Nadya Lunnaya

РЕЙВЕНХЁРСТ. Проклятие чёрной художницы

«Автор»
2026

Lunnaya N.

РЕЙВЕНХЁРСТ. Проклятие чёрной художницы / N. Lunnaya — «Автор», 2026

1978 год. Селеста Кроу оказывается в старинном английском интернате, затерянном среди густых лесов. Она не собиралась здесь учиться и уж точно не хотела становиться частью чужих секретов. Но Рейвенхёрст хранит слишком много тайн, чтобы остаться просто местом, где проходят уроки.Странные истории, забытые документы, старые картины и загадочные события постепенно заставляют Селесту искать ответы. Особенно её внимание привлекает история Вивьен Блэквуд — девушки, чьё имя связано с трагедией, произошедшей здесь тридцать лет назад.Чем глубже Селеста погружается в прошлое, тем яснее становится: некоторые тайны не исчезают со временем.Тропы:Тайны прошлогоПроклятиеМесть спустя десятилетияСделка с потусторонней сущностьюЗагадочная художницаРасследование старой трагедииДве временные линии

© Lunnaya N., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Nadya Lunnaya
РЕЙВЕНХЁРСТ. Проклятие чёрной художницы

ГЛАВА 1. ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА.

Англия. 1948 год.

На севере Англии, среди густых хвойных лесов и невысоких холмов, стоял Рейвенхёрст старый интернат, чья история насчитывала почти два столетия.

Издалека здание напоминало мрачный загородный замок. Высокие каменные стены, узкие окна, остроконечные башенки и тяжёлые деревянные двери придавали ему вид места, в котором время давно остановилось. Над главным входом темнела вырезанная из камня надпись с названием учреждения, а чуть выше располагался герб с изображением ворона, расправившего крылья.

В ясные дни Рейвенхёрст казался величественным. Солнечные лучи скользили по старым стенам, освещали плющ, оплетавший углы здания, и золотили верхушки деревьев. Но стоило небу затянуться облаками, как интернат преображался. Камень становился почти чёрным, окна теряли отражения, а длинные коридоры за стеклом казались пустыми даже тогда, когда по ним ходили люди.

Местные жители из Греймура редко говорили о Рейвенхёрсте с теплотой.

Кто-то считал его необходимым учреждением, кто-то пережитком прошлого. Были и те, кто предпочитал обходить стороной разговоры об интернате. Слишком много историй было связано с этим местом. Слишком много детей прошло через его двери, чтобы потом навсегда исчезнуть из жизни города.

Рейвенхёрст принимал самых разных воспитанников. Одних родители отправляли сюда ради строгого образования и хороших перспектив. Других привозили родственники, не желавшие или не имевшие возможности заниматься их воспитанием. Были здесь и сироты, которым после войны попросту некуда было возвращаться.

Для одних интернат становился временным домом. Для других единственным местом, которое они могли назвать своим.

Но уютом здесь и не пахло.

День воспитанников начинался ровно в шесть тридцать утра. Дежурный воспитатель обходил спальни, требуя немедленно подняться с постелей. Через полчаса все должны были быть одеты, умыты и готовы к завтраку. Опоздание считалось нарушением дисциплины, а за нарушение полагалось наказание.

В коридорах постоянно пахло полированным деревом, угольным дымом и влажной шерстью. Зимой к этим запахам примешивался холодный воздух, проникавший сквозь неплотно закрытые оконные рамы. В столовой по утрам звенели ложки, скрипели ножки стульев, а над длинными рядами столов поднимался пар от овсяной каши.

После завтрака начинались занятия.

История, английская литература, математика, естествознание. В старших классах преподавали французский, основы домоводства и рисование. Последнее пользовалось особой популярностью у немногих учеников, хотя художественный кабинет был одним из самых холодных помещений в здании.

Преподаватели Рейвенхёрста придерживались строгих правил. Здесь не поощрялись громкие разговоры, споры с учителями и любые проявления неповиновения. Воспитанники

должны были держаться сдержанно, говорить только тогда, когда к ним обращались, и не задавать лишних вопросов.

Война закончилась три года назад, но её последствия всё ещё ощущались повсюду. Некоторые помещения интерната так и не отремонтировали после повреждений, полученных в последние годы военного времени. В кладовых экономили продукты, одежду перешивали, а старые учебники передавали от одного поколения учеников к другому.

Рейвенхёрст продолжал жить по собственным законам.

Дети из обеспеченных семей пользовались особым расположением. Их родители жертвовали деньги на содержание интерната, оплачивали ремонт, приобретали учебные материалы и иногда навещали директора с весьма щедрыми подарками.

Сироты и дети из бедных семей подобным преимуществом похвастаться не могли.

Среди воспитанников существовала собственная иерархия. Её не прописывали в правилах, не обсуждали на собраниях и не упоминали в присутствии преподавателей. Однако каждый ученик прекрасно знал своё место.

Некоторые занимали его благодаря фамилии. Другие благодаря силе, дерзости и умению заставить окружающих бояться.

А были и такие, кому не доставалось ничего.

Вивьен Блэквуд относилась к последним. Ей было семнадцать.

Она жила в Рейвенхёрсте уже несколько лет, с тех пор как во время войны потеряла родителей. Отец погиб, когда их дом оказался под обстрелом. Мать умерла позднее, так и не оправившись от последствий тяжёлой болезни. Близких родственников, у неё не было.

Поначалу она надеялась, что однажды кто-нибудь из дальних родственников объявится, заберёт её отсюда и позволит начать новую жизнь. Позднее надежда постепенно исчезла. Письма перестали приходить, редкие знакомые семьи забыли о её существовании, а фамилия Блэквуд стала для окружающих всего лишь строчкой в школьном журнале.

Девушка была невысокой, худощавой, с длинными чёрными волосами, которые обычно собирала в свободную косу. Серые глаза казались немного старше её самой. В них почти всегда присутствовала задумчивость, словно даже во время обычного разговора она продолжала мысленно находиться где-то далеко.

Её нельзя было назвать неприветливой. Скорее, она просто не умела легко сходиться с людьми. Вивьен предпочитала слушать, а не говорить, наблюдать, а не вмешиваться. Иногда она могла несколько минут рассматривать узор на старой скатерти или следить за тем, как капли дождя стекают по стеклу, совершенно забыв о происходящем вокруг.

Рисование было единственным занятием, во время которого Вивьен забывала о холодных спальнях, строгих воспитателях и бесконечных насмешках. Перед чистым холстом она могла позволить себе быть кем угодно. Создавать места, которых никогда не существовало, возвращать людей, которых больше не было, и придумывать миры, где никто не спрашивал, почему у неё нет семьи.

Её работы отличались необыкновенной точностью. Она замечала детали, которые другие пропускали: трещину в оконной раме, тень от ветки на стене, складку на чужом рукаве. Иногда казалось, что Вивьен не просто изображает предметы, а запоминает их такими, какими они были в определённую минуту.

Преподаватель рисования мистер Хадсон однажды назвал её талант редким.

Это произошло во время просмотра ученических работ. Вивьен принесла небольшую картину с изображением старой железнодорожной станции. На ней не было ничего особенного: пустая платформа, скамейка, фонарь и уходящие вдаль рельсы. Но свет на картине выглядел настолько настоящим, что несколько учеников невольно остановились возле неё.

Мистер Хадсон долго рассматривал работу, поправляя очки на переносице.

— У вас необыкновенное чувство света, мисс Блэквуд, — произнёс он наконец.

Вивьен опустила глаза.

— Спасибо, сэр.

— Продолжайте. Не бросайте рисование. При должном усердии вы сможете добиться многого.

Она едва заметно улыбнулась.

Это была одна из тех редких улыбок, которые появлялись на её лице совершенно неожиданно и исчезали прежде, чем кто-нибудь успевал их заметить.

Однако похвала преподавателя не осталась незамеченной другими учениками.

Особенно теми, кому не нравилось, когда внимание доставалось кому-то, кроме них.

В тот день Вивьен проснулась раньше остальных.

За окном ещё царил предрассветный сумрак. Небо было серым, а верхушки деревьев едва различались за тонкой пеленой тумана. В спальне стояла тишина, нарушаемая лишь негромким дыханием спящих девочек и редким скрипом старых кроватей.

Вивьен осторожно села, откинула одеяло и нащупала ногами холодные тапочки.

На соседней кровати кто-то недовольно заворочался.

— Уже утро? — сонно пробормотала одна из девочек.

— Ещё нет, — тихо ответила Вивьен.

— Тогда зачем ты встаёшь?

— Нужно закончить рисунок.

Девочка повернулась к стене, натянула одеяло до подбородка и больше ничего не сказала.

Вивьен оделась, застегнула все пуговицы на форменном платье, накинула кардиган и взяла небольшую папку с бумагами. Из-под подушки она достала карандаш, несколько листов и аккуратно сложенный лист плотной бумаги.

На нём уже были сделаны первые наброски.

Вивьен задержала на них взгляд.

Последние несколько дней она работала над одной большой картиной. Это должна была быть самая масштабная её работа за всё время пребывания в Рейвенхёрсте. Она собиралась изобразить интернат таким, каким видела его каждый день: величественным, холодным, полным людей и одновременно удивительно одиноким.

Ей хотелось закончить картину до конца недели.

Вивьен вышла в коридор, стараясь не шуметь. За высокими окнами постепенно светлело. Где-то внизу хлопнула дверь, послышались шаги дежурного воспитателя.

Девушка направилась к лестнице.

До начала завтрака оставалось ещё почти сорок минут.

Первое унижение за тот день случилось у лестницы.

Вивьен спускалась на первый этаж, когда услышала знакомый смех.

Она остановилась.

У широкого подоконника стояли пятеро воспитанников. Четверо из них разговаривали между собой, а пятый лениво вертел в руках чужую тетрадь.

Вивьен узнала их сразу.

Она старалась не встречаться с ними без необходимости. Не потому, что надеялась избежать неприятностей, а потому, что давно поняла: любое её движение могло стать поводом для очередной насмешки.

Они происходили из состоятельных семей. Их родители были знакомы с директором, участвовали в благотворительных мероприятиях интерната и регулярно присылали пожертвования. Преподаватели относились к ним снисходительно, а младшие воспитанники предпочитали уступать дорогу.

Вивьен же не могла предложить ничего, кроме собственной фамилии.

— Смотрите, кто у нас появился, — протянул один из юношей.

Девушка крепче прижала папку к груди.

— Доброе утро.

В ответ раздался смех.

— Как вежливо. Почти благородная особа.

— Может, она решила, что сегодня её кто-нибудь удочерит? — добавила девушка, стоявшая рядом.

Вивьен ничего не ответила.

Она попыталась пройти мимо, но юноша с тетрадью шагнул в сторону, преграждая дорогу.

— Куда такая спешка?

— Мне нужно в художественный кабинет.

— Опять рисовать? — Он взглянул на папку. — Что на этот раз? Ещё один мрачный дом с кладбищем?

— Верни ей тетрадь, — негромко сказала одна из девушек.

Вивьен посмотрела на него внимательнее.

Это была её тетрадь.

Она оставила её вчера на подоконнике в кабинете рисования, когда ненадолго выходила за водой.

— Отдай, пожалуйста.

— Что?

— Это моя тетрадь.

Юноша поднял её повыше.

— Не слышу.

Вивьен промолчала.

Ей не хотелось просить второй раз. Она знала, что именно этого от неё и ждали.

— Ну же, Блэквуд. Можно немного повежливее.

— Пожалуйста, — произнесла она.

Он усмехнулся и бросил тетрадь на пол.

Несколько листов выскользнули из обложки и разлетелись по лестнице.

Вивьен замерла.

На одном из листов был набросок старой оранжереи. На другом портрет женщины, лицо которой девушка уже несколько дней пыталась сделать более выразительным.

Юноша наступил на край рисунка.

— Ой, — произнёс он с притворным удивлением. — Кажется, испортил.

Вивьен опустила взгляд на его ботинок.

— Убери ногу.

Смех на лестнице стих.

Она произнесла это негромко, почти без выражения. Но впервые за долгое время не попыталась спрятать глаза.

Юноша медленно поднял брови.

— Что ты сказала?

— Убери ногу с рисунка.

Несколько секунд он смотрел на неё, будто пытался решить, стоит ли воспринимать эти слова всерьёз. Затем нехотя отступил.

Вивьен присела и начала собирать листы.

— Осторожнее, а то испачкаешь своё сокровище, — бросила девушка.

— Оставь её, — лениво произнёс один из юношей. — У нас ещё весь день впереди.

Они снова засмеялись.

Вивьен подняла последний лист, аккуратно сложила бумаги и прижала их к папке. Только после этого она поднялась.

Никто из пятерых не заметил, как дрогнули её пальцы.

Она прошла мимо них, не оглядываясь.

И лишь когда свернула за угол, позволила себе на мгновение закрыть глаза.

Ей хотелось вернуться в спальню, лечь под одеяло и не выходить оттуда до самого вечера.

Но впереди был день.

Обычный день в Рейвенхёрсте.

Художественный кабинет располагался на втором этаже старого крыла. В отличие от остальных помещений, он всегда казался Вивьен немного уютнее.

Здесь пахло бумагой, древесным углём и засохшими красками. На широких столах лежали кисти, палитры и баночки с водой. У стены стояли несколько мольбертов, а возле окна находился старый шкаф с материалами, которыми редко кто пользовался.

Вивьен любила это помещение.

Она положила папку на стол, сняла кардиган и подошла к большому холсту, прислонённому к стене.

На нём уже проступали очертания Рейвенхёрста.

Высокие башни, узкие окна, массивный главный вход. Вивьен тщательно прорисовала каменную кладку, декоративные элементы фасада и даже старую лестницу, ведущую к боковому крыльцу.

Она собиралась изобразить не только здание.

На картине должны были появиться все, кто жил и работал в интернате.

Ученики во дворе, преподаватели у главного входа, директор на ступенях. Вивьен хотела нарисовать даже кухонных работников, которых редко замечали воспитанники, и старого смотрителя, каждый вечер обходившего территорию с фонарём.

Ей хотелось сохранить всех.

Не потому, что она любила каждого из них.

Просто однажды ей стало интересно, как выглядело бы место, если бы все его обитатели оказались на одном холсте.

Она взяла карандаш и продолжила работу.

Сначала появилась фигура директора. Затем несколько воспитанников, стоявших возле фонтана. Вивьен хорошо помнила их лица, походку, привычные жесты. Она не пыталась сделать их красивее или добрее, чем они были на самом деле.

Каждый получал своё место.

Кроме неё самой.

На картине не было Вивьен Блэквуд.

Она не стала изображать себя даже в самом дальнем углу, среди остальных воспитанников. Когда мистер Хадсон однажды спросил, почему её нет на собственном рисунке, девушка лишь пожала плечами.

— Не нашлось подходящего места, сэр.

Тогда преподаватель ничего не ответил.

Теперь Вивьен снова посмотрела на холст.

Её взгляд остановился на одном из верхних окон.

Там был нарисован женский силуэт.

Длинные тёмные волосы, тонкая фигура, неподвижная поза. Женщина стояла за стеклом, слегка повернув голову в сторону двора. Лица не было видно.

Вивьен нахмурилась.

Она не помнила, чтобы рисовала эту фигуру.

Более того, она не могла вспомнить, когда вообще начала её рисовать.

Девушка отложила карандаш и подошла ближе.

Силуэт выглядел слишком чётким для случайной детали. Линии волос были прорисованы аккуратно, плечи слегка наклонены, одна рука почти касалась оконной рамы.

Вивьен провела пальцем по краю рисунка.

Странно.

Она прекрасно помнила каждую мелочь, которую добавляла на холст. Но эта женщина будто появилась там сама собой.

— Мисс Блэквуд?

Вивьен вздрогнула.

В дверях стоял мистер Хадсон.

— Доброе утро, сэр.

— Вы опять пришли раньше всех?

— Да, сэр. Хотела немного поработать.

Преподаватель подошёл к холсту и остановился перед ним.

— Впечатляет. Вы проделали большую работу.

Вивьен слегка улыбнулась.

— Ещё не закончила.

— Вижу. А кто это?

Он указал на силуэт в верхнем окне.

Девушка помедлила.

— Не знаю.

Мистер Хадсон посмотрел на неё поверх очков.

— Как это не знаете?

— Просто нарисовала.

— Но ведь вы должны помнить, кого изображали.

— Я не помню, чтобы видела эту женщину.

Преподаватель снова посмотрел на картину. Несколько секунд он молчал, рассматривая фигуру.

— Возможно, воображение подсказало вам интересную деталь, — произнёс он наконец. — Иногда художник сам не понимает, откуда берутся некоторые образы.

Вивьен кивнула.

Ей хотелось согласиться, но почему-то не получалось.

Она снова посмотрела на рисунок.

Силуэт стоял неподвижно.

И всё же девушке показалось, что он смотрит прямо на неё.

К обеду небо окончательно затянуло тучами.

Сильный ветер раскачивал деревья, и длинные ветви ударялись о стёкла столовой. Воспитанники сидели за столами, разговаривали и обменивались новостями. Вивьен устроилась ближе к стене, как обычно стараясь занять место, откуда её было меньше видно.

Она почти закончила обед, когда рядом раздался скрип стула.

— Здесь свободно?

Вивьен подняла глаза.

Перед ней стояла одна из девушек из утренней компании.

Не дожидаясь ответа, та села напротив.

— Слышала, мистер Хадсон опять хвалил твою работу.

Вивьен положила ложку.

— Он просто посмотрел картину.

— Конечно. А ещё, наверное, сказал, что ты особенная.

Девушка улыбнулась.

— Знаешь, Блэквуд, иногда становится интересно, почему ты вообще здесь. Такая талантливая, такая необычная. И совершенно никому не нужная.

Вивьен почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось.

Она привыкла к подобным словам. Они давно перестали удивлять, но от этого не становились менее болезненными.

— Что тебе нужно?

— Ничего. Просто разговор.

— Тогда поговори с кем-нибудь другим.

Девушка чуть наклонила голову.

— Какая дерзость.

За её спиной уже появились остальные.

Один из юношей поставил поднос на соседний стол, а затем облокотился на спинку стула Вивьен.

— Кажется, наша художница сегодня в плохом настроении.

— Оставьте меня в покое, — сказала Вивьен.

— Мы же ничего не делаем.

— Вы всегда так говорите.

На этот раз никто не засмеялся.

Несколько мгновений они молча смотрели на неё.

Затем юноша наклонился ближе.

— Следи за словами, Блэквуд.

Вивьен отвела взгляд.

Она знала, что не должна была отвечать. Знала, что теперь они обязательно найдут способ отыграться. Но слова уже прозвучали, и вернуть их было невозможно.

Когда обед закончился, девушка первой поднялась из-за стола.

Она надеялась, что на этом всё закончится.

После занятий Вивьен вернулась в художественный кабинет.

Дождь усилился. Он стучал по стеклу, стекал по оконным рамам и собирался в небольшие лужицы на каменном подоконнике. Ветер гулял по коридорам, заставляя старые двери жалобно поскрипывать.

В кабинете было холодно.

Вивьен зажгла настольную лампу и продолжила работу.

Она почти закончила фасад здания. Оставалось добавить несколько фигур, проработать деревья и исправить детали возле бокового входа.

В какой-то момент девушка отступила от мольберта.

Картина получалась именно такой, какой она её представляла.

Рейвенхёрст стоял в центре холста величественный и холодный. Вокруг него находились люди. Каждый занимался своим делом, каждый казался частью привычной жизни интерната.

И только одно окно оставалось необычным.

Женщина с длинными тёмными волосами всё так же стояла за стеклом.

Вивьен взяла тонкую кисть, набрала немного серой краски и попыталась добавить несколько деталей к её силуэту.

Но рука остановилась.

Ей вдруг стало не по себе.

Девушка отложила кисть и посмотрела на часы.

Время близилось к вечернему обходу.

Пора было возвращаться в спальню.

Она убрала краски, закрыла баночки, сложила карандаши и накрыла холст тканью. Папку с рисунками Вивьен положила в шкаф, а затем выключила лампу.

Выйдя в коридор, она услышала голоса.

Они доносились из дальнего конца старого крыла.

Вивьен узнала их.

На мгновение ей захотелось вернуться в кабинет и запереть дверь. Но она понимала, что долго там не просидит: дежурный воспитатель обязательно заметит отсутствие ученицы.

Она пошла вперёд.

Шаги звучали слишком громко в пустом коридоре.

Когда Вивьен приблизилась к повороту, кто-то вышел из-за колонны.

— Вот и она.

Девушка остановилась.

Перед ней стояли все пятеро.

— Что вам нужно? — спросила Вивьен.

— Поговорить.

— Мне пора в спальню.

— Не торопись.

Один из юношей взял её за руку. Вивьен попыталась освободиться, но он не отпустил.

— Отпусти.

— Какая невежливость.

— Я сказала, отпусти!

Она дёрнулась сильнее.

На этот раз её толкнули к двери старого помещения, которым почти не пользовались. Дверь распахнулась, и Вивьен оказалась внутри.

Комната была небольшой, с высоким запылённым окном и несколькими старыми шкафами. Здесь хранились сломанная мебель, ненужные учебные принадлежности и коробки с бумагами.

Вивьен обернулась.

— Что вы делаете?

Никто не ответил.

Дверь закрылась.

Послышался щелчок замка.

Она бросилась к ней и дёрнула ручку.

— Откройте!

Но один из юношей грубо оттолкнул её.

— Попалась, Блэквуд.

Вивьен отступила на шаг.

— Прекратите. Это уже не смешно.

За закрытыми дверьми слышались приглушённо голоса кричащей о помощи Вивьен и мерзкий смех её мучителей.

— Нет, не трогайте меня!!!

— Умоляю вас не надо!!!

Спустя время все пятеро вышли и закрыли дверь на замок. Обессиленная девушка лежала на холодном полу прикрывая себя руками. По её щекам бежали слёзы, тело болело, а на душе было грязно и мерзко.

Она слышала, как где-то вдалеке хлопнула другая дверь. Затем раздался скрип половиц, приглушённые голоса и ещё один звук, который заставил её замереть.

Что-то упало.

Через несколько секунд внизу показался тонкий серый дым.

Сначала она не поняла, что происходит. Дым стелился по полу, заполняя пространство возле двери. Затем появился запах резкий, едкий, совершенно не похожий на запах камина или угольной печи.

Горело дерево.

— Нет…

Она бросилась к окну.

Оно оказалось слишком узким, а толстые прутья не позволяли даже просунуть наружу руку. Вивьен попыталась открыть раму, но та давно разбухла от сырости и не поддавалась.

Дым становился гуще.

Девушка начала кашлять.

Она снова ударила в дверь, теперь уже изо всех сил.

— Помогите! Пожалуйста!

Где-то за стеной послышался треск.

Вивьен отступила, закрыв рот рукавом.

Она не знала, сколько времени прошло. Минуты растягивались, превращаясь в бесконечное ожидание. В голове мелькали обрывки мыслей: спальня, художественный кабинет, холст, который она так и не закончила.

Последняя картина.

Она вдруг вспомнила женщину в верхнем окне.

Почему именно её лицо не давало покоя? Почему эта фигура появилась на холсте, хотя Вивьен никогда не видела её прежде?

Мысли путались.

Вивьен сползла по стене на пол, пытаясь найти место, где ещё оставался воздух. Глаза слезились, горло саднило. Она слышала, как за дверью что-то рушится, а затем раздался протяжный гул, словно само здание издало глубокий болезненный стон.

Пожар распространялся по старому крылу.

В коридорах уже кричали люди.

Кто-то звал воспитанников, кто-то требовал открыть окна. Слышались быстрые шаги, грохот мебели и звон разбитого стекла.

Но до кабинета где была Вивьен никто не добрался.

Она попыталась подняться, опираясь ладонью о стену.

Ноги не слушались.

С потолка посыпалась пыль. Где-то сверху треснула балка, и комната содрогнулась от глухого удара.

Вивьен снова посмотрела на дверь.

Ей казалось, что за ней кто-то стоит.

Она различала тёмную полосу внизу, движение теней и едва заметный свет, пробивавшийся сквозь щель.

— Пожалуйста…

Голос почти исчез.

Последнее, что она почувствовала, горячий воздух, коснувшийся лица.

Затем всё погрузилось во тьму.

Пожар заметили не сразу.

Сначала из окон старого крыла потянулись тонкие струйки дыма. Потом над крышей поднялось серое облако, которое ветер понёс в сторону леса.

Когда прозвучал первый тревожный крик, часть воспитанников уже находилась в спальнях. Преподаватели бросились выводить детей наружу, дежурные пытались проверить помещения, а директор отдавал распоряжения, которые тонули в общем шуме.

На территории интерната царила паника.

Ученики выбегали во двор, некоторые без пальто, другие в домашних тапочках. Девочки плакали, мальчики пытались помочь младшим. Смотритель вместе с несколькими воспитателями выносил из здания то, что удавалось спасти.

Пожарные прибыли спустя некоторое время.

Но огонь успел охватить значительную часть старого крыла.

Пламя вырывалось из окон, пожирая деревянные перекрытия, старые двери и мебель. Стекло лопалось от жара, осыпаясь на каменную мостовую. Чёрный дым поднимался над Рейвенхёрстом, скрывая башни и верхние этажи.

Мистер Хадсон стоял во дворе, сжимая в руках пальто.

Он пересчитывал воспитанников вместе с другими преподавателями.

Снова.

И ещё раз.

— Мисс Блэквуд где? — спросил он, когда заметил отсутствие знакомой фамилии.

Одна из воспитательниц посмотрела на список.

— Её нет среди девочек из восточной спальни.

— Вы проверили художественный кабинет?

— Да. Там никого не было.

Мистер Хадсон повернулся к зданию.

— Она могла остаться в старом крыле.

Директор, стоявший неподалёку, резко обернулся.

— В старом крыле никого не должно было быть.

— Но она могла туда попасть.

Преподаватель ничего не ответил.

Он смотрел на окна, за которыми бушевало пламя.

Ещё несколько минут назад Рейвенхёрст был просто старым интернатом, наполненным привычным шумом и детскими голосами. Теперь он горел, словно кто-то решил уничтожить всё, что находилось внутри.

К утру огонь удалось взять под контроль.

Старое крыло превратилось в обугленные руины. Каменные стены почернели, крыша обрушилась, а от прежних помещений остались лишь обломки перекрытий и почерневшие балки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.